

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА

(лексический материал и методы исследования)

Вопрос о характере балто-славянских языковых отношений имеет исключительно важное значение как для балтийского, так и для славянского языкознания. За последние десятилетия было выдвинуто немало гипотез, связанных с балто-славянской проблемой. Не останавливаясь на этих гипотезах¹, обратимся к двум аспектам, значение которых часто недооценивается в работах по балто-славянскому вопросу. Речь пойдет о привлекаемом лексическом (особенно — диалектном) материале и о методике исследования.

Как-то само собой уже давно сложилось мнение, что сопоставляемый лексический материал балтийских и славянских языков в основном неплохо изучен, что расхождения между авторами разных гипотез сводятся, главным образом, лишь к интерпретации этого материала (ср.: [Мартынов, 1973, 4]). И действительно, лексические примеры многих работ не выходят за рамки „Балто-славянского словаря“ Р. Траутмана [*Trautmann*, 1923]. Так, балтийский материал в „Этимологическом словаре русского языка“ М. Фасмера в основе своей восходит к Р. Траутману, местами представляя собой по существу выписки из последнего.

Колоссальная работа, проделанная в XX в. как балтийскими, так и славянскими лексикографами, существенно расширила рамки доступного теперь каждому исследователю лексического материала. Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться на диалектный словарь К. Мюленбаха—Я. Эндзелина (латышский язык), Литовский академический словарь (т. 1—14, до буквы Š), словарь русских народных говоров (вып. 1—23, до буквы П), многочисленные диалектные словари славянских языков. Между тем, богатейший материал этих словарей очень медленно входит в научный обиход. Показательно, что когда Ф. Славский решил обратиться к анализу балто-славянских языковых отношений, он ограничил свои изыскания все тем же словарем Р. Траутмана [*Stawski*, 1970].

¹ Их краткий критический обзор см. в статье: [Откупщиков, 1983].

М. Фасмер, давая этимологию рус. *стебель*, приводит в качестве балтийских соответствий лит. *stibis* 'membrum virile' и лтш. *stiba* 'палка, прут' (III, 750). Легко заметить, что литовское слово расходится с русским по своей семантике, а латышское — по форме. В то же время рус. *стебель* и др.-рус. *стѣбль*, *стебль* 'стебель, ствол' имеют гораздо более близкие соответствия в лтш. *stibis* 'сухой прутик', *steblis* 'ствол дерева', лит. *stiblis* 'стебель'. Еще менее удачные балтийские параллели приведены М. Фасмером к слову *стебать* 'стегать, хлестать': лит. *steĩbti* 'крепнуть' и *stab(d)yti* 'останавливать' (там же). В то же время такая важная изоглосса, как лтш. *stibāt* = *стебать*, не нашла своего отражения у М. Фасмера, хотя выпуск словаря К. Мюленбаха — Я. Эндзелина, включая два тома дополнений, был закончен еще в 1946 г. Подобного рода примеры, когда приводятся достаточно далекие (пусть даже и верные) этимологические соответствия, а балтийские слова, полностью совпадающие со славянскими, остаются в стороне, — достаточно обычное явление как у М. Фасмера, так и в других этимологических словарях. Например, в „Этимологическом словаре славянских языков“ (далее: ЭССЯ) словен. стар. *degāti se* 'ссориться, браниться' сопровождается (со ссылкой на Г. А. Ильинского) корнеотсылочным сопоставлением с лит. *diegti* 'колоть', *diegas* 'росток' и др. (вып. 4, с. 228). У приведенного словенского слова, как и у серб.-хорв. стар. *degati se*, имеется еще одна этимология: от греч. *δίκη* 'правда' [Skok, 1971, I, 389]. Конечно, первой этимологии следует отдать явное предпочтение. Однако всякие сомнения на этот счет можно было бы сразу же устранить, приведя балто-южнославянскую изоглоссу: словен. *degāti se* = лит. *daigótis* 'ссориться, браниться' (семантически ср. лит. *daigūs žodžiai* 'колючие слова').

Сопоставление диалектного материала балтийских и славянских языков, не ставшего еще достоянием этимологических словарей, позволяет вскрыть целые слои лексики — как общего происхождения, так и [заимствованной из одних языков в другие. Перечисление балто-славянских лексических изоглосс, не нашедших еще отражения в этимологических словарях и научной литературе, заняло бы слишком много места. За счет этих неотмеченных изоглосс мог бы быть значительно расширен словарь Р. Траутмана, вернее — та его часть, которая отражает реальные, а не реконструированные изоглоссы. Поэтому остановимся лишь на нескольких выборочных примерах, опуская для краткости пометы *диал(ектное)*.

Лит. *sejā* (и *sējā*) — сербохорв. *céja*, лит. *sėšė*² — сербохорв. *sěša* (и *sěška*) 'сестра, сестрица'. Лит. *ragānė* 'рогатая овца' — сербохорв. *rogoña* 'рогастый

² О глубокой древности слова, помимо наличия южнославянского соответствия, свидетельствует факт его заимствования в финский *sese* 'сестра', см.: [Kalima, 1936, 162].

баран'; лтш. *ragans* 'черт', *ragane* 'ведьма' — сербохорв. *рогоњ-а* 'черт' (ср. *рòгоња* 'ведьма')³. Случай с 'чертом' и 'ведьмой' вообще типичен для балтославянской лексики, где наблюдается очень большое количество изоглосс, связанных с дохристианскими верованиями. Напр.: лтш. *blùods* — рус. *блуд* 'злой дух, сбивающий с дороги'; лтш. *bluòdities* — рус. *блудиться* 'плутать'; лтш. *vadīt* — рус. *водить* 'заставлять плутать (о нечистой силе)'; лит. *kaũkas* и *kaukà* 'домовой' — рус. *кука* 'леший, живущий в бане'; лит. *baisas* 'ужасное существо, привидение' — др.-рус. *бѣсъ* (ср. лит. *baisùs* 'ужасный'); лит. *blõgasai* — рус. *благóй* 'черт'; лит. *kerai* — рус. *чары*, ср. также интересную семантическую параллель: лит. *kerai* 'кусты' и *kerai* 'чары' — др.-рус. *кустодѣи* = *чародѣи*; лтш. *zintnieks* — рус. *знатнѣк* 'колдун'; лит. *žiniuðlis* 'колдун, знахарь' — рус. *знальщина* 'собрание знахарей'⁴ и т. д.

Весьма значительное число изоглосс объединяет балтийские и славянские языки в области ремесленной лексики и животноводства. Так, если мы ограничимся общими названиями одного лишь домашнего животного — овцы (resp. барана) — в диалектах балтийских и славянских языков, то и это даст нам достаточно богатый лексический материал. Если др.-рус. *овьца*, помимо лит. *avũka*, имеет еще более близкое соответствие в др.-инд. *avikā*, то изоглосса др.-рус. *овьнь* — лит. *ãvinas*, лтш. *avins*, др.-прусс. *awins* 'баран' ограничена балто-славянским ареалом. То же самое относится к изоглоссе лит. *avikiena* — чеш. *ovčina* 'баранина'. О лит. *ragãne* (= лтш. *ragana*) — сербохорв. *рогоња* речь уже шла выше. В диалектах литовского и русского языка встречается еще несколько общих названий овцы или барана: лит. *bãse* = рус. *башиа* 'овца' (фонетически ср. лит. *saũsẽ* = болг. *сũша* 'сушь, засуха', лит. *sẽsẽ* — сербохорв. *sẽša* 'сестра'); лит. *bũrẽ* 'овца' — рус. *борей* 'баран' (новгородск.). В последнем случае соотношение лит. *bũrẽ* 'овца' — **burẽjas* (= рус. *борей*) 'баран' аналогично словообразовательной модели типа лит. *auklẽ* — *auklẽjas*. Лит. *bũrẽ* 'овца' и *barẽ*, *burẽ* 'призыв овец' сопоставимы с рус. *бáря*, *бóря* 'призыв баранов'. Лит. *kũcẽ* 'овца' (в языке детей) < **kutija* соответствует рус. *кѣтя* (в разговоре с детьми) и *кыча* 'овца' (с долгим **ũ*). Учитывая звукоподражательный характер одних и производность от подзыва животных в случае с другими названиями овцы или барана, нельзя не отметить удивительное многообразие этих общих литовско-русских слов.

Интересно отметить, что в латышском языке, кажется, нет соответствий для большинства приведенных названий овцы. Слабо они представлены и за

³ Подробнее см.: [Откупщиков, 1977].

⁴ Реконструируемому **зналь* 'знахарь' должно было полностью соответствовать лит. **žiniuðlis*. Последняя форма слова относится к *žiniuðlis* точно так же, как лит. *žinũnas* относится к *žiniũnas* или как рус. *знам-* относится к *зням-* (в слове *знямка*).

пределами русского языка. Перед нами — важная особенность, типичная как для древних, так и для более поздних балто-славянских изоглосс: эти изоглоссы нередко охватывают только часть балтийского или славянского ареала. И если в случае лит. *bāsė* — рус. *бава* 'овца' мы не находим латышского соответствия, то изоглосса лтш. *blēju* = рус. *блею* (есть также германское соответствие) не разделяется литовским языком. Та же самая картина наблюдается при изоглоссах, древность которых подтверждается соответствиями за пределами балто-славянского ареала: лит. *paĩšas* = рус. *порось* (нет в лтш., но ср.: лит. *paršiena* = лат. *porcina* 'свинина', лит. *paršėlis* = др.-в.-нем. *farheli* 'поросенок'); лтш. *svēns* 'поросенок', *svīns* 'запачканный' (из значения 'свиной'⁵) — др.-рус. *свинь* 'свиной' (нет в лит., ср. *свинь* и лат. *suīnus* 'свиной', гот. *swein* 'свинья'); лит. *kārvė* — рус. *корова* (нет в лтш., но ср. кимр. *carw* 'олень' и др.); лтш. *gūovs* — рус. *говядо* 'крупный рогатый скот' (нет в лит., но есть индоевропейские соответствия). С другой стороны, изоглосса лит. *ragānė*, лтш. *ragana* — сербохорв. *rogońa* (см. выше) не выходит за пределы южнославянских языков, а лит. *ārmenį* (вин. п.) 'пашня' из всех славянских языков имеет соответствие только в рус. *рамень* (см. Откупщиков, 1965). Думается, что было бы полезным провести сплошное картографирование ареально ограниченных балто-славянских лексических изоглосс — с учетом диалектной лексики как балтийских, так и славянских языков. Это, несомненно, прольет новый свет на характер балто-славянских языковых отношений как в древнейшую эпоху, так и в более позднее время.

Несмотря на большую работу по выявлению лексических балтизмов в славянских языках, особенно интенсивно проводившуюся в последние 20—30 лет⁶, значительная часть балтизмов, содержащихся в новых диалектных словарях западно- и восточнославянских языков, до сих пор остается невыявленной. Возьмем несколько выборочных примеров из „Словаря русских народных говоров“ (до буквы *М*). Лит. *aĩdas* 'жердь' → рус. *арда* и *арды* (мн. ч.) *idem*. Обычно принято считать, что русские диалектные слова (*оленецк.* и *новгородск.*) заимствованы из карел. *ardo*, фин. *arta* 'жердь для просушки невода' [Фасмер, I, 85]. Но фин. *arta* было заимствовано из балтийского [Fraenke], 15], а совпадение значений лит. *ardaĩ* = новгородск. *арды* 'жерди для просушки льна' (а не сетей — как в фин. и карел.) заставляет видеть в русских диалектных словах прямое заимствование из балтийского, а не через посредство финского или карельского языка. К тому же лит. *aĩdas* и лтш.

⁵ Ср. лтш. *svĩnĩt* = польск. *świnić*, чеш. *svinitĩ* 'пачкать'.

⁶ Сводку относящегося сюда материала, включающего примеры автора книги, см.: [Лаучюте, 1982]. См. также рецензии Р. Эккерта [Eckert, 1984] и В. Урбутиса [Urbutis, 1984].

ards имеют надежную балтийскую этимологию [Fraenkel, 15]. Лит. *baziūkās* 'ягненок' → рус. *базюкать* 'болтать, беседовать' (южн., зап.); типологически ср. рус. *блеять* 'говорить лишнее' (костром.). К лит. *virėjas*, лтш. *virėjs* 'повар', по-видимому, восходит рус. *вырэй* 'знахарь, колдун' (твер., псков.), с учетом роли варки трав и снадобий в знахарском деле. *Гриняя* (неделя)⁷ в смоленских говорах представляет собой заимствование из лит. *grynóji* (*savaĩtė*). Лит. *dodõnė* 'болтун' → рус. *додоный* 'говорливый' (ярослав.), ср. лит. *dodà* 'болтун', *dodóti* 'болтать'. Лит. *dũndyti* 'жужжать (о пчеле)' → рус. (новгородск.) *дундѣть* 'пищать (о комаре)'. Ср. в переносном значении лит. *dundėti* 'болтать' — рус. (новгородск.) *дундѣть* 'однообразно и надоедливо говорить'. Ю. Лаучюте дает только лит. *dundėti* 'грохотать' и польск. *dundzić* 'раздаваться (о топоте)' (см.: [Лаучюте, 1982, 76]). Лит. *dusýti* → рус. *дусѣть* 'душить' (говоры Лит.ССР). Лит. *javinis* 'хлебный' → *евной* 'сѣдобный' (смол.). Лит. *ėglė* → рус. *ѣгла* 'ель' (новгородск.). В словаре Ю. Лаучюте приводится только польск. *jegla* (с. 78). Лит. *kaĩpros* (мн. ч.) 'поперечные брусья саней' → рус. *кámпы* 'продольные (? — Ю. О.) брусья саней' (говоры ЛитССР). Ю. Лаучюте дает только лит. *kaĩpas* 'угол' (с. 55). Лит. *kvaksà* → рус. (детск.) *пláкса-квáкса* (Нижний Новгород, 1930 — 1935, запись автора). Лит. *kvãkšė* → рус. *квáкша* 'крикунья' (твер., псков.). Лит. *korà* 'сходка, собрание' → рус. *копá* 'крестьянская сходка' (зап.). В словаре Ю. Лаучюте приведены (со ссылкой на А. Г. Преображенского и К. Бугу) рус. *кóпа* и лит. *kúora*, лтш. *kiõра* 'собрание, толпа' (с. 88). Лит. *kója* 'нога' → рус. *кóя* 'голень' (Коми АССР). Лит. *krekvà* → белор., рус. *крёква* 'стропила' (брянск., смол., говоры ЛитССР). Лит. *(su)lamašinti* → рус. *ломóшѣть* '(с)ломать' (твер., псков.). Лит. *malūnas* 'мельница' → рус. *молунóк* 'кофемолка' (псков., смол.). Лит. *mótė* → рус. *мóтица* 'мать, матушка' (псков.). В области гидронимии: лит. *Varė*, др.-прусс. *Woria* — р. *Воря* в Подмосковье (истоки ее находятся примерно в 30 км к западу от *Можайска* — топонима, несомненно, балтийского происхождения). Здесь также большой интерес представило бы картографирование балтизмов, сравнение их ареала с ареалом узколокальных диалектных изоглосс — тем более, что не во всех случаях можно провести достаточно четкую грань между диалектными изоглоссами и славянскими балтизмами (*resp.* балтийскими славизмами).

Таким образом, не словарь Р. Траутмана, в свое время явившийся важным событием, а богатейший материал фундаментальных диалектных словарей должен лечь в основу современных исследований в области балто-славянских языковых отношений.

⁷ Перед постом накануне Петрова дня (12 июля).

Как известно, при решении вопроса о большей или меньшей генетической близости между отдельными индоевропейскими (в том числе — балтийскими и славянскими) языками центральное место занимает анализ изоглосс, чаще всего — лексических. Однако теоретическая база при отборе и анализе этих изоглосс во многом все еще остаются шаткими и субъективными. В связи с этим особую важность приобретают методы установления лексических изоглосс и строгое применение этих методов в практике сопоставления лексики родственных языков. Между тем в работах по компаративистике очень часто смешиваются лексические изоглоссы и этимологические соответствия. Так, рус. *вепрь* — лтш. *vepris* 'боров', несомненно, представляет собой лексическую изоглоссу, но лат. *veprēs* 'терновый куст' — всего лишь этимологическое соответствие, к тому же — не очень надежное. Наличие большого количества лексических изоглосс свидетельствует о генетической близости соответствующих языков — в более раннюю (совместное сохранение архаизмов) или в более позднюю эпоху (совместные новообразования). Этимологические соответствия — даже самые надежные — говорят лишь об общем индоевропейском происхождении языков. Более того, примеры типа рус. *вепрь* — лат. *veprēs* не столько объединяют, сколько разъединяют языки, свидетельствуя о независимом образовании сопоставляемых слов (ср.: [Откупщиков, 1972]).

Особенно важно соблюдать строгость отбора в случаях, когда речь идет о терминологических изоглоссах. Здесь слово должно быть идентичным термином в обоих сопоставляемых языках и принципы отбора изоглосс не могут быть разными для разных привлекаемых к анализу ареалов. Оба этих принципа оказались нарушенными, напр., в работах О. Н. Трубачева о славянской ремесленной терминологии. Уже в одной из своих сравнительно ранних статей он неоднократно подчеркивал необходимость сопоставлять славяно-германские и славяно-латинские соответствия только с достоверными славяно-балтийскими [Трубачев, 1963, 33, 51]. Эта же мысль неоднократно повторяется и в монографии 1966 г. В то же время нигде это требование достоверности не распространяется на германские и латинские соответствия. Более того, приведя в конце главы о текстильной лексике 9 славяно-латинских этимологических соответствий, которым „не предъявляется жесткое требование той же терминологической принадлежности“, автор оставляет как более отвечающие этому требованию 4 примера [Трубачев, 1966, 141]. Однако в итоговых подсчетах, приведенных в конце книги (с. 392), в качестве терминологических изоглосс выступают все 9 примеров, более половины из которых не отвечают требованиям терминологической принадлежности, по признанию самого автора. То же самое можно сказать и о других группах славянской ремесленной лексики.

К сожалению, ни в итоговых перечнях в конце первых двух глав (в последующих главах они отсутствуют), ни в сводном списке ремесленных изоглосс (с. 392) не даются значения сопоставляемых слов. Конечно, где-то в книге при первом упоминании слова его значение приводится, даются разной степени убедительности обоснования для этимологического сопоставления, но лишь в редких случаях говорится о терминологической идентичности сопоставляемых слов. Всего О. Н. Трубачев выделяет 30 славяно-германских, 26 славяно-латинских и 6 (sic!) славяно-балтийских изоглосс из области ремесленной терминологии. Поскольку близость балто-славянского и германского, кажется, никем не оспаривается, рассмотрим примеры славяно-латинских сопоставлений.

1) Чеш. *trdlo* 'льномялка' — лат. *tribulum* 'молотильный волок'. О. Н. Трубачев сам отрицает наличие терминологической общности в этом примере (с. 74). Ср., однако, лит. *trintuvaĩ* (мн. ч.) 'льномялка' — с синонимичным суффиксом (соотношение типа лит. *kasẽklis* = *kastũvas*). Кстати, для другого названия 'льномялки' — рус. *мяло* — в литовском языке есть соответствия как с идентичным суффиксом *-kl-* (*minẽklis*), так и с синонимичным *-tuv-* (*mintuvaĩ*). В обоих этих случаях перед нами — терминологические изоглоссы, а не только этимологические соответствия.

2) Рус. *костра* (к *кость* или к *чесать*, см.: [Фасмер, II, 348]) — лат. *castra* (мн. ч.) 'военный лагерь' (этимологически = 'выкопанное и насыпанное'). Во-первых, латинское слово не имеет никакого отношения к текстильной терминологии. Во-вторых, приведенное сопоставление этимологически ненадежно (М. Фасмер его даже не приводит). Этимология латинского слова гораздо ближе к балтийскому, чем к славянскому: лит. *kàsti* 'копать, рыть', *ka-syklà* 'раскоп' в семантическом и словообразовательном плане вполне сопоставимы с лат. *castra*, которое лишь созвучно с рус. *костра*.

3) Рус. *веретено* — лат. *verticillus* 'пряслице' О. Н. Трубачев относит к числу „исключительных славяно-италийских параллелей в лексике прядения“ (с. 109). Однако перед нами — разные реалии, а это не позволяет видеть здесь терминологическую изоглоссу. У сопоставляемых слов — разные суффиксы (в балто-славянском ареале автор подобные сопоставления довольно решительно отвергает, напр.: рус. *мяло* — лит. *mintũvas*). „Исключительность“ приведенного сопоставления серьезно подрывается изоглоссой: рус. *веретено* — др.-инд. *vãrtanam* 'прялка'.

4) Укр. *спинь* 'острый верхний конец веретена' — лат. *spina* 'игла, шип'. Латинское слово не имеет терминологического значения. Укр. *спинь*, рус. *шпень* и др. представляют собой заимствования, в конечном итоге — из латинского языка [Фасмер, IV, 472].

5) Рус. *нить* — лат. *nētus* 'пряжа'. Опять нет общего терминологического значения (как и у германских соответствий со значениями 'шов' и 'игла'). В то же время, ближайшие соответствия русскому (славянскому) слову мы находим в лит. *nūtis*, лтш. *nīts* 'ниченка'. Лит. *nūtys* = рус. *ниты* 'ниченки' — это бесспорная терминологическая изоглосса. Лат. *nētus*, помимо значения, расходится с балто-славянским словом также по огласовке корня и по морфологическому типу.

6) Рус. *клуб(ок)* — лат. *glomus* 'клубок (пряжи)'. Фонетически ненадежное сопоставление В. Махека, не принятое ни в русском [(М. Фасмер), ни в латинском (А. Walde—J. В. Hofmann) этимологических словарях.

7) Сербохорв. диал. *stativ* (и др.) 'ткацкий станок' — лат. *stativus* 'стоячий (о воде)', 'постоянный' (лагерь). Латинское слово никак не связано с терминологией ткачества, количество корневого гласного у сопоставляемых слов — разное.

8) Праслав. **šcarь* из **(s)koip-* (с. 133) или из **skēp-* (с. 134) — как правило, без *s-mobile*, напр., сербохорв. *цѣнци* 'цены, ценовые дощечки' — лат. *scāpus* 'стебель, древко; навой'⁸. Славянское и латинское слова обозначают совершенно разные реалии, лат. *scāp-* не может восходить ни к **skoip-*, ни к **skēp-*. В то же время праслав. **šcarь* 'ценовая дощечка, образующая зев' этимологически ближе всего к лтш. *šképele* 'щепка' и к лит. *skiēpti* 'образовывать щель'.

9) Праслав. **sēdadlo* (сербохорв. *sidalica*, укр. *сідавка*) 'ткацкое сиденье' — лат. *sediculum* 'сиденьице'. У латинского слова нет терминологического значения — как, напр., у лит. *sėdėklė*, лтш. *sėdekle*; оно образовано с помощью уменьшительного суффикса (деминутив к *sēdēs*) — в отличие от балто-славянского *-kl- : -dl-*.

10) Др.-рус. *сѣчиво* 'топор', сербохорв. *сјѣчиво* 'молот' — лат. *secivum* 'кусочек жертвенного пирога'. Разумеется, латинское слово не относится ни к плотничьей, ни к кузнечной терминологии. Перед нами — типичное этимологическое сопоставление, пригодное для этимологических словарей (где оно обычно приводится), но неприемлемое в качестве терминологической изоглоссы. Попутно можно отметить различие в долготе корневого гласного у приведенных слов.

11) Рус. *тесать* — лат. *texere* 'ткать' опять разъединяет сопоставляемые ареалы (в отличие, напр., от лит. *tašyti*, др.-инд. *takṣati*).

12) Рус. *тесло* 'плотничий топор' — лат. *tēla* 'ткань, ткацкий станок', *tēlum* 'копье'. Последний пример, быть может, вообще к данному корню не

⁸ Откуда взято значение лат. *scāpi* 'прутики, образующие зев' [Трубачев, 1966, 134], остается неясным. Словари такого значения не дают.

относится (см.: [Walde — Hofmann, II, 656]), а первый свидетельствует лишь о том, что корень **teks-* в латинском языке, в отличие от балто-славянского и других индоевропейских языков, неразрывно связан с ткаческой терминологией. Ближайшие терминологические соответствия рус. *тесло* и др. находятся в балтийских и германских языках.

13) Праслав. **strugъ*, ст.-слав. *СТРЪГАТИ* — лат. *fruor* 'наслаждаюсь, пользуюсь'. Ни фонетически, ни семантически это сопоставление не выдерживает критики (этимологию лат. *fruor*, где *f-* < **bh-*, см.: [Walde — Hofmann, I, 552]), не говоря уже о том, что латинское слово никак не связано с ремесленной терминологией. М. Фасмер (III, 779) в качестве первого из числа немногих приведенных им соответствий к рус. *строгать* дает лтш. *strūgains* 'полосатый' (и в.-фриз. *strōk* 'полоса').

14) Праслав. **ščerati*, **scēpati* 'расщеплять (дерево)' — лат. *scipiō* 'посох'. В отличие от латинского соответствия, не являющегося терминологической изоглоссой, в балто-славянском глагол 'расщеплять' (отсутствующий в латинском) и его производные употребляются в двух терминологических значениях: а) 'расщеплять, раскалывать (дерево)' в процессе его обработки и б) 'расщеплять (дерево)' для его прививки → 'прививать'. Ср. рус. *щепать*, *щепить* = в.-луж. *ščěpac*, *ščěpic* 'колоть (дрова)' и 'прививать', лит. *skiėpyti* 'прививать', н.-луж. *ščěp* = лит. *skiėpas* 'черенок', рус. *щепка* — лтш. *škępelis* 'щепка', *škępelet* 'отщеплять, откалывать'. Ср. также др.-чеш. *o-ščer* — лтш. *škęps* 'копье'.

15) Праслав. **razъ* (рус. *раз*) — лат. *rango* 'вколачиваю', *comrāgēs* 'стык', по-видимому, — одно из наиболее близких (после германского) этимологических соответствий. Однако это — соответствия лишь на корневом уровне, а формально совпадающее с праслав. **razъ* лат. *rāgus* 'село, деревня' показывает полную независимость обоих образований, которые не отвечают требованиям, предъявляемым к терминологическим изоглоссам.

16) Рус. *клюка*, *ключ* — лат. *clāvis* 'ключ, крюк'. В фонетическом и словообразовательном плане приведенные слова далеки друг от друга, хотя они и сопоставимы этимологически. Но если давать соответствие: рус. *раз* — лат. *rango* 'вколачиваю', то почему рус. *клюка* и *ключ* не сопоставить с лит. *kliūti* 'задеть, зацепиться'? Интересно отметить, что связь рус. *клюка*, *ключ* и лит. *kliūtis* 'капкан' (суффиксальные *-k-* и *-t-*), видимо, проясняется при сравнении с тох. В *klutk-* и *klautk-* 'umkehren' (ср.: [Fraenkel, 274]).

17—20) Рус. *горн* — лат. *furnus* 'печь', рус. *горнило* — прароман. **furniculum*, др.-рус. *гърньць* 'горшок' — лат. *fornix* 'свод, арка; пещера', др.-рус. *грьньчарь* 'горшечник' — лат. *fornicārius* 'распутник'. Последний пример О. Н. Трубачев сначала рассматривает в качестве „курьеза“ [Трубачев, 1966,

195, 200], но затем относит его к числу „замечательных параллелей“ (с. 209) и приводит среди „строгих“ славяно-латинских терминологических изоглосс в области гончарного ремесла (с. 392). На самом деле, ни одно из приведенных латинских слов не связано с гончарным ремеслом. Когда О. Н. Трубачев переводит лат. *fornix* ‘свод (горна), арка’ (с. 210), а *fornācārius* ‘горновой рабочий’ (с. 200), то оба выделенных слова принадлежат автору перевода, выдающему здесь желаемое за действительное. Ошибочность реконструкции **furnicolo* на основании итал. *fornello* и др. была отмечена еще В. Мейером-Любке, из словаря которого в основном приведены романские формы (ср. лат. *periculum* > итал. *pericolo*, лат. *vehiculum* > исп. *vehículo* и т. п.). Итал. *fornello* (не **fornicolo!*) означает не ‘помещение, где есть печь’ (ср. с. 196), а деминутив ‘*piccolo forno*’ [Battisti Alessio, 1952, III, 1692] и ничего общего со слав. суффиксом *-dl-* не имеет. Даже общепризнанная этимологическая параллель рус. *горн* — лат. *fornus, furnus* не отвечает строгим требованиям терминологического характера. Латинские слова обозначают печь для приготовления хлеба (**caminus coquendo panis*), в то время как в славянских горнах хлеб, как будто бы, не выпекали. Что касается формальной идентичности слов *горн* — *fornus*, то этимологически сюда же относится др.-инд. *ghṛnāḥ* ‘жар’, др.-ирл. *gorn* ‘огонь, головня’, др.-прусс. *goro* ‘очаг, горн’, рус. *гореть* = лит. *garėti* (в латинском языке соответствующий глагол отсутствует). С долгим гласным в корне ср. рус. *гарь, гаря* — лит. *gōrė* ‘горшок с горячими углями’, используемый для обогрева (L K Ž, III, 484). О независимом и естественном развитии на основе широко распространенного и.-е. корня **g^her-* разных значений праслав. **gъrъnъ* писал еще Р. Мерингер [Meringer 1897, 233]. Плавильные горны как археологическая реалья относятся к сравнительно позднему времени, и соответствующие значения развиваются в славянском и латинском также независимо, к тому же в латинском языке это значение представлено слабо (в основном для слова *fornax*). В целом же гончарно-кузнечному славянскому термину в латинском языке соответствует термин *хлебопекарный*.

21) Праслав. **dъly* → рус. *делва* ‘бочка’, болг. *дѣлва* ‘глиняный сосуд’ — лат. *dōlium* ‘бочка (глиняная)’ не могут быть возведены к единой праформе ни в фонетическом, ни в словообразовательном отношении. Ближе к рус. *делва* — ирл. *delb* ‘форма’ < **delvā-* (см.: [Фасмер, I, 496]).

22) Праслав. **kladivo* ‘молот’ — лат. *gladius* ‘меч’. Это известное этимологическое сопоставление [Muller, 1926, 90], разумеется, не является терминологической изоглоссой. К тому же, помимо расхождения между *g* и *k*, латинскому *ā* должно было соответствовать слав. *o*, а реконструированное автором изменение **kladīuom* > *gladium* [Трубачев, 1966, 363] не отвечает

известным фактам латинской исторической фонетики. М. Фасмер (II, 243) вообще не приводит в статье *кладиво* ссылки на лат. *gladius*.

Итак, ни в одном из рассмотренных нами сопоставлений нельзя говорить о наличии терминологических славяно-латинских изоглосс в области ремесленной лексики. Из всех приведенных примеров только праслав. *gъrъnъ — лат. *furnus* формально можно было бы возвести к единой праформе. Но и здесь такие соответствия, как др.-инд. *ghṛnāh*, др.-ирл. *gorn* и др. говорят против наличия каких-то особых славяно-латинских совместных новообразований. Тем более, что сопоставляемые слова используются в славянском и латинском в разных терминологических сферах.

Оставшиеся 4 примера отражают сходную или идентичную терминологическую лексику, но также не могут считаться безукоризненными. Так, рус. *кош* — лат. *quālus* (<*quaslos) 'плетеная корзина' различаются по своему словообразовательному типу, а реконструкция рус. *кошель* < праслав. *kosъbъ вызывает сомнения, так как *-sl-* не изменилось бы в *-šel-* (ср. рус. *тесло*, *кресло*, *гусли* и др.). Др.-рус. *сѣчи* — лат. *secāre* 'резать' имеют разное количество гласного в корне, тогда как ст.-лит. *į-sėkti* 'насечь', *iš-sėkti* 'высечь', с одной стороны, имеют долгий гласный (*ė = Ń*) в корне, а с другой — сопоставимы с лат. *in-secāre* 'надрезать', *ex-secāre* 'вырезать'. Одинаковое количество гласного имеют также др.-рус. *сѣчь* 'меч' и лтш. *sėks* 'серп'⁹. Традиционное сопоставление др.-рус. *сеқыра* и лат. *secūris* 'топор' также имеет уязвимые пункты. Главный из них — полная словообразовательная изолированность обоих сопоставляемых слов как в латинском [Ernout Meillet, 1960, II, 607—608], так и в славянском (единственная словообразовательная параллель — др.-рус. *стихыра* — является несомненным заимствованием). Поэтому неоднократно высказывалось мнение о том, что оба слова были заимствованы из какого-то третьего источника (ср., напр., ассир. *šukurru* 'топор') — с последующим народно-этимологическим переосмыслением [Пизани, 1956, 130—131]. Наконец, последнее сопоставление: праслав. *moltъ — лат. *malleus* 'молот, колотушка', *marc(ul)us* 'молот(ок)'. Против первого сближения возражал еще П. Кречмер, ибо *-lt-* сохранялось в латинском языке [Kretschmer, 1896, 147], а *maltlos не идентично славянскому слову. Еще сложнее сопоставление с лат. *marcus*. О. Н. Трубачев считает, что *maltlos подверглось диссимиляции: → *martlos > *marculus*, а затем от мнимого деминутива была образована форма *marcus* [Трубачев, 1966, 360]. Однако все дело в том, что в латинских образованиях подобного типа диссимилятивному изменению всегда подвергается суффиксальный плавный (*lavācrum*, *sepulcrum*, *simulāc-*

⁹ В плане семантики ср. серповидные мечи в древнегреческой мифологии, а также у фракийцев и карийцев.

гит). Кроме того, в славянском корне выступает чередующийся гласный *e/o (*mel-/molt-*), а латинский корневой гласный не участвует в этом чередовании.

Таким образом, отсутствие строгих цельнолексемных терминологических славяно-латинских изоглосс в области ремесленной лексики полностью подтверждает вывод В. Порцига о том, что „вряд ли есть основание говорить об особых связях италийских языков со славянским и балтийским“ [Порциг, 1964, 200]¹⁰.

В то же время количество действительных балто-славянских лексических изоглосс, относящихся к ремесленной терминологии, чрезвычайно велико. В работах О. Н. Трубачева эти изоглоссы обычно или не приводятся, или объявляются результатом заимствования из славянского в балтийский, или отводятся по каким-либо иным причинам. Особенно отчетливо это проявляется в „Этимологическом словаре славянских языков“, где тщательно выделяется каждое славяно-латинское соответствие, не отраженное в балтийском (хотя таких примеров очень мало), а балто-славянские изоглоссы приводятся далеко не во всех случаях.!

Центральным „ядром“, на базе которого формируется множество ремесленных терминов, являются, как известно, глаголы, обозначающие различные трудовые процессы (ср.: [Чумакова, 1970, 120]). Вот несколько примеров балто-славянских терминологических изоглосс этого типа: рус. *лить* (металл) = лит. *liėti*, др.-рус. *горѣти* = лит. *garėti* (глагол, [связанный с трудовыми процессами гончарного и кузнечного дела), др.-рус. *дуть* = лит. *dūmti*, рус. *дымь* = лит. *dūmėti*, укр. *о-кути*, чеш. *o-kout* = лит. *ap-kąuti* (кузнечное ремесло); рус. *мять* — лит. *minti*, рус. *брокать* — лит. *brūkti*, рус. *нүтуть* = лтш. *nītīt*, рус. *сучить* — лит. *sūkinti* (ср. др.-рус. *сѣку* и лит. *sukù, sūkti*¹¹), лтш. *sāucēt* (ткацкое ремесло); др.-рус. *мѣсити* = лит. *maišyti*, др.-рус. *лѣпнати* — лит. *lipyti* (чередование **loip-*: **lip-*), и.-е. корень **dheiǵh-* ‘формировать, лепить; обмазывать глиной’ только в балто-славянском подвергся метатезе (→**ǵheidh-*), ср. др.-рус. *зѣжду* — лит. *žiedžiù* (гончарное ремесло); рус. *тешу, тесать* — лтш. *tēši, test*, рус. *рубить* = лтш. *rūobit*¹², ср.

¹⁰ Германский, конечно, значительно ближе к балто-славянскому, чем латинский. Однако приводимые О. Н. Трубачевым славяно-германские изоглоссы в основном отражают ту же методику, что и славяно-латинские. Однако разбор также и этих примеров занял бы слишком много места.

¹¹ Вопреки О. Н. Трубачеву (1966, 112), лит. *sūkti* имеет значение ‘сучить’. Ср. *sukti siūlai* ‘сученые нитки’, *sūkti veŗpalus* и т. п.

¹² М. Фасмер и авторы других этимологических словарей обычно дают лишь значение ‘делать зарубки’, но см.: [Mühlenbach—Endzelin, III, 575].

лит. (*iš*)*ruĩbyti* 'вырубить', др.-рус. *чьрту*, *чьрсту* = лит. *kertù*, *kiĩsti*, др.-рус. *p̃zatu* = лит. *režóti*, рус. *скоблю* — лит. *skabiù* (обработка дерева).

Почти у каждого из приведенных балто-славянских глаголов (список которых отнюдь не претендует на законченность) имеются производные, также отражающие совместные балто-славянские образования. Напр., рус. *литой*, др.-рус. *литьным* = лит. *liėtas*, *liėtinis*, рус., белор. *мнец* = лит. *mini-kas*, рус. *мятый*, *мяло* — лит. *mintas*, *minėklė*, рус. *скобель* — лит. *skāplis*, чеш. *mísidlo* = лит. *maišiklis*, болг. *вѣтви* — лит. *vytùvai*, польск. *wijadła* — лит. *vijiklis* и мн. др.

Если говорить, напр., о названиях глины применительно к лексике гончарного ремесла, то совершенно очевидно, что нельзя обойти названия металлов применительно к ремеслу кузнечному. Балто-славянские изоглоссы охватывают пять общих названий металла: золото, серебро (совместно с германским), олово, свинец и железо. В этой области нет ни одной славяно-латинской изоглоссы и только одна изоглосса балто-италийская (название золота). Нельзя, разумеется, пройти мимо таких балто-славянских терминологических изоглосс в области кузнечного дела, как рус. *уголь* — лит. *anglis* (также в германском), др.-рус. *кѹи*¹³ = лит. *kújis* 'молот', др.-рус. *мѣхъ* = лит. *maišas*¹⁴, чеш. *vúheň* 'кузнечный огонь' — лит. *ignis* и *ùgnis*, болг. *вѣтръ* = др.-прус. *wutris* 'кузнец'¹⁵ и др. Аналогичная картина наблюдается также и в других группах ремесленной лексики.

Обширный диалектный материал балто-славянской ремесленной терминологии еще ждет своего исследователя. Но уже сейчас можно уверенно сказать, что количество цельнолексемных терминологических балто-славянских изоглосс в области ремесленной лексики во много раз превышает число таких же славяно-латинских и балто-латинских изоглосс вместе взятых, а также количество славяно-германских и балто-германских изоглосс.

Но дело не только в количестве изоглосс. Как известно, индоевропейское сравнительно-историческое языкознание стало подлинной наукой лишь после того, как сравнения перестали ограничиваться областью лексики, а распространились и на грамматику. Если учитывать этот важнейший фактор, то необходимо подчеркнуть, что лексические изоглоссы, связывающие отдельные индоевропейские языки, неравноценны. Поскольку имена существительные, напр., употребляются не только в именительном падеже единственного

¹³ С кузнечным значением — вопреки мнению О. Н. Трубачева [1966, 346, 349].

¹⁴ Мнение о „заимствовании всех балтийских слов из славянского“ (речь идет о кузнечном мехе [Трубачев, 1966, 378]) принять невозможно.

¹⁵ И здесь О. Н. Трубачев видит заимствование, только на этот раз — из балтийского в славянский [Трубачев, 1966, 337].

числа, традиционные сопоставления типа др.-рус. *звѣрь* — лит. *žvėris*, лат. *fera*, др.-греч. *θήρ* отражают разные степени родства между языками. В то время как вся парадигма склонения приведенных соответствий почти полностью совпадает в балтийском и славянском, она резко отличается от латинской и греческой парадигмы (ср., напр., др.-рус. *звѣрьми* — лит. *žvėrimis*, но лат. *feris*, др.-греч. *θηροί*). При сопоставлении ст.-слав. *НЕСТИ*, лит. *nėšti* и др.-греч. *ἐνεγχεῖν* необходимо отметить, что только в балтийском и славянском полностью совпадает вся система причастий в параметрах: ст.-слав. *НЕСЫ*, *НЕСОШТИ* — лит. *nešąs*, *nėšanti*, *НЕСОМЪ*, -А — *nėšamas*, -à, *НЕСЪШЬ* (вин. п.) — *nėšusi*, *НЕСЪШИ* — *nėšusi*, *ВИТЬ*, -А — *vítas*, -à. Причем совпадают опять-таки не изолированные формы, а почти целые парадигмы склонения. Напр., *Н. НЕСЫ (НЕСОШТЬ)* — *nėšąs (nėšantis)*, *Г. НЕСОШТЕЯ* — *nėšančio*, *Д. НЕСОШТЮ* — *nėšančiam*, *Асс. НЕСОШТЬ* — *nėšanti*. Ср. также такие формы полных причастий, как *нес-ущ-у-ю* и *neš-anč-q-ja*, *нес-о-м-у-ю* и *neš-a-m-q-ja*, *нес-ъш-у-ю* и *neš-us(i)-q-ja*, *ви-т-у-ю* и *vu-t-q-ja*. Интересно отметить, что в современном украинском языке причастия типа рус. *несомый* и *несущий* утратили свою продуктивность. В результате возникла парадоксальная ситуация: система причастий современного русского языка оказалась ближе к литовской, чем к украинской. Это — яркий пример того, как легко впасть в ошибку при решении вопроса о степени родства между языками на основе отдельных изолированных изоглосс.

Не может считаться удовлетворительной также распространенная практика изолированного сопоставления отдельных лексем, вырванных не только из словоизменительных, но и из их словообразовательных связей. Так, изоглосса др.-рус. *соухъ* — лит. *saũsas* — др.-греч. *αῖος* (< *sausos) мало что дает для определения генетической близости между соответствующими языками. В то же время рус. *сухомà* = лит. *sausatà*, *сушь* = *sausis*, *сушинà* = *sausienà*, *сухостей* = *saũsvėjis* и мн. др. (всего 15 соответствий подобного рода) дают целый пучок изоглосс — чего мы не находим для др.-рус. *соухъ* за пределами балто-славянского ареала. В этом — качественное отличие балто-славянских лексических изоглосс от этимологических сопоставлений с другими индоевропейскими языками — отличие, свидетельствующее об особой генетической близости славянских и балтийских языков.

В работах по индоевропейскому языкознанию неоднократно подчеркивалось значение эксклюзивных изоглосс при определении степени генетического родства между отдельными языками. Однако и сама эксклюзивность может быть различной. Абсолютно эксклюзивные изоглоссы, т. е. такие, для которых полностью отсутствуют всякие этимологические соответствия

в других индоевропейских языках (даже на корневом уровне) — обычно подозрительны, ибо они могут быть общим заимствованием из третьего источника и их индоевропейское происхождение зачастую невозможно доказать. Поэтому особенно важное значение приобретают изоглоссы, эксклюзивные только в фонетическом, словообразовательном или семантическом отношении. Так, у лит. *žiedžiù* 'леплю, обмазываю' есть много индоевропейских этимологических соответствий. Но только в славянском (ср. др.-рус. *зѣжду*), как и в балтийском, и.-е. корень **dheiǵh-* подвергся метатезе. Иначе говоря, перед нами — балто-славянская изоглосса, эксклюзивная только в фонетическом отношении. Др.-рус. *шьвѣи, шьвѣя, шьвьць* = лит. *siuvėjas, siuvėja, siuvikis*, при наличии надежных индоевропейских соответствий на корневом уровне, представляют собой изоглоссу, эксклюзивную в плане словообразования (ср., напр., лат. *sutor* — с иным суффиксом деятеля). В случае рус. *лить* — лит. *lieti*, особенно же — *liėti* 'лить (металл)' перед нами — изоглосса, эксклюзивная в семантическом отношении, ибо только в балтийском и славянском соответствующий индоевропейский глагольный корень используется как литейный термин.

Наконец, часты случаи, когда вычленение эксклюзивных лексических изоглосс оказывалось ошибочным из-за недостаточно полных сведений о материале (особенно — диалектном) из родственных языков. В этих случаях вопрос о лексическом материале как бы переплетается с вопросом о методах исследования лексических изоглосс. Так, даже в фундаментальной работе В. Порцига (1964) из первых одиннадцати „эксклюзивных“, по мнению автора, германо-италийских изоглосс более половины находят соответствия за пределами германо-италийского ареала (см.: [Откупщиков, 1972]). В частности, сопоставляя др.-англ. *(ge)twinne* (англ. *twins*) 'близнецы' и лат. *bīnī* (< **duīnoi*) 'по два', В. Порциг, видящий здесь германо-италийскую изоглоссу, не учитывает лит. *dvūnai* (*dvynai*), лтш. *dvīnī* и рус. (диал.) *двинь* 'близнецы' (слово зафиксировано с начала XVII в., см.: [Ларин, 1959, 164]). А это заставляет говорить о германо-балто-славянской, а не о германо-италийской изоглоссе, ибо семантически лат. *bīnī* остается в стороне.

Приведенные факты убедительно говорят о том, что в исследованиях из области балто-славянских языковых отношений необходимо значительно расширить привлечение нового лексического (главным образом — диалектного) материала, а также уделять первостепенное внимание дальнейшей теоретической разработке методических вопросов, в частности — критериев отбора и анализа балто-славянских (и шире — индоевропейских) лексических изоглосс.

ЛИТЕРАТУРА

- Ларин, 1959 — Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959.
- Лаучюте, 1982 — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Мартынов, 1973 — Мартынов В. В. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973.
- Откупщиков, 1965 — Откупщиков Ю. В. О происхождении слов *рамень* и *раменьё* // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Откупщиков, 1972 — Откупщиков Ю. В. О принципах отбора лексических изоглосс // *Baltistica*, 1972, I priedas.
- Откупщиков, 1977 — Откупщиков Ю. В. О происхождении лит., лтш. *ragana* 'ведьма' // *Baltistica*. 1977. Т. 13 (1).‡
- Откупщиков, 1983 — Откупщиков Ю. В. Балтийский и славянский // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. Л., 1983.
- Пизани, 1956 — Пизани В. Этимология. М., 1956.
- Порциг, 1964 — Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
- Трубачев, 1963 — Трубачев О. Н. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах // Этимология I. М., 1963.
- Трубачев, 1966 — Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
- Фасмер, 1964 слл. — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964.
- Чумакова, 1970 — Чумакова Ю. П. Глагольные термины, связанные с домашней обработкой волокна, в славянских языках // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования — 1969. М., 1970.
- Battisti, Alessio, 1952 — Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano. Firenze, 1952. Vol. 3.
- Eckert, 1984 — Eckert R. Rec.: Лаучюте, 1982 // *Zeitschrift für Slawistik*. 1984. Bd. 29, Heft 2.
- Ernout, Meillet, 1960 — Ernout A. et Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-ème éd Paris. 1960. Vol. 2.
- Kallma, 1936 — Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936.
- Kretschmer, 1896 — Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- Meringer, 1897 — Meringer R. Zur Geschichte des Kachelofens. Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1897. Bd. 27.
- Mühlenbach — Endzelin, 1923 ff. — Mühlenbach K. — Endzelin J. Lettisch-Deutsches Wörterbuch. Riga, 1923.
- Muller, 1926 — Muller Fr. Altitalisches Wörterbuch. Göttingen, 1926.
- Skok, 1971 — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971.
- Sławski, 1970 — Sławski F. Lexikalische Neuerungen im Baltisch-Slavischen // *Donum Balticum*. Stockholm, 1970.
- Trautmann, 1923 — Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Urbutis, 1984 — Urbutis V. Rec.: Лаучюте, 1982 // *Baltistica*. 1984. Т. 20.
- Walde — Hofmann, 1938—1954 — Walde A. — Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938—1954.